

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.78.22.002

Норма права как идеальная сущность с точки зрения материалистического правопонимания

Гордин Михаил Александрович

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32, А;
e-mail: gordin_m@inbox.ru

Выражаю благодарность моему научному руководителю доктору юридических наук, профессору Г.Г. Бернацкому за помощь в подготовке текста рукописи статьи.

Аннотация

В статье производится исследование правовой нормы в контексте марксистского дискурса о природе идеального. Автором рассматривается концепция идеального, изложенная в работах известного советского философа Э.В. Ильенкова, делается вывод о ее релевантности для теоретико-правовых исследований. Устанавливается, что правовая норма является образом-схемой человеческого поведения. Также приводится критика позиции Л.И. Петражицкого по этому вопросу. Возникновение, изменение, исчезновение образа-схемы (и, соответственно, всей их системы в целом) происходят в рамках непрерывно развертывающегося процесса реальной, практической материальной общественной жизнедеятельности; в то же время и сами образы-схемы, деятельностно воплощаемые индивидами, материализуются в форме как самого процесса деятельности, так и среди составляющих результатов последнего. Подчеркивая описанный таким образом диалектический характер идеального и материального проявления правовой нормы, а также исходя из необходимости преемственности в терминологическом употреблении (от «Немецкой идеологии» до программных трудов В.Ф. Шелике и Э.В. Ильенкова), мы посчитали правильным определить правовую норму именно как форму образов-схем деятельности, а не просто лишь сводить ее к категории «правило поведения», как это принято в большинстве учебной или справочной юридической литературы. Это объясняется необходимостью соблюдения четкости категориальных рядов, используемых в марксистской науке, чтобы у читателей могло правильно сформироваться представление о взаимосвязанности и последовательности всей материалистической концепции, независимо от непосредственной отрасли науки, к которой принадлежит та или иная работа.

Для цитирования в научных исследованиях

Гордин М.А. Норма права как идеальная сущность с точки зрения материалистического правопонимания // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 17-23. DOI: 10.34670/AR.2024.78.22.002

Ключевые слова

Правовая норма, материалистическое правопонимание, идеальное, К. Маркс, Э.В. Ильенков, теория государства и права.

Введение

Рассуждая о правовой норме, как элементарной форме права, нельзя не рассмотреть вопрос об ее онтологической природе. Несомненно, что правовая норма (каждая в отдельности) и право в целом как феномен культуры требуют от исследователя прежде всего четкого понимания того, что последняя из себя представляет, где имеет свое нахождение и как взаимодействует с индивидом, с его сознанием и с внешней средой. Таким образом, мы неизбежно входим в плоскость дискурса об идеальном и материальном, который является одним из главных, но до конца еще не уясненных в полноценном виде оснований марксистской науки. Для наиболее успешного достижения поставленной цели работы («какова онтологическая природа нормы?»), посчитаем нужным несколько более подробно углубиться в проблематику понимания идеального.

Следует заметить, что дискуссия о соотношении идеального и материального возникла еще задолго до К. Маркса и не прекращалась на протяжении многих столетий, справедливо заслужив статус «основного вопроса философии». Между тем, даже после значительных усилий, которые были предприняты К. Марксом и Ф. Энгельсом в процессе формирования диалектического материализма, вопросы и «темные пятна», касающиеся характеристик сущности идеального, все же остались в наследство новым поколениям мыслителей-материалистов. Исследованиями в области идеального в контексте марксистской парадигмы занималось множество ученых на протяжении последних полтора столетия, однако наиболее заметными и значительными оказались труды М.А. Лившица, Д.И. Дубровского и Э.В. Ильенкова.

Если первый из них видел возможность нахождения идеала в естественной природе, создав концепцию т.н. «эталонного предмета», элемента качественно определенного, обладающего «естественными пределами» [Лившиц, 1984] совершенства в своем роде, то второй понимал идеальное в плоскости субъективной реальности, как «сугубо личностное явление, реализуемое мозговым нейродинамическим процессом», которое «представлено всегда только в сознательных состояниях отдельной личности» [Дубровский, 1984] (заметим, что впоследствии Дубровский отошел от марксистских позиций). Принимая к сведению определенную оригинальность вышеприведенных позиций, все же посчитаем необходимым заострить особое внимание на концепции Э.В. Ильенкова, которая представляется нам более проработанной и отвечающей принципам диалектичности. Неслучайно Л.К. Науменко подчеркивал, что «ильенковская концепция идеального – это второе (после Платона) «открытие» объектов «особого рода», включившее не только признание их особого статуса, но и точное указание на ту особую объективную реальность, внутри которой только и существует идеальное во всех его модусах» [Науменко, 2012] - то есть на сферу общественно-человеческой деятельности.

Основное содержание

Прежде чем переходить непосредственно к рассмотрению позиции Э.В. Ильенкова по данному вопросу, посчитаем правильным для начала обратиться к самому К. Марксу. Выделим

некоторые принципиальные моменты марксовской трактовки идеального. В «Немецкой идеологии» мыслитель пишет: «иерархия есть идеальная форма феодализма; феодализм есть политическая форма средневековых отношений производства и общения» [Маркс, Энгельс, 1955]. Так, идеальной формой в данном случае считается не какая-либо теория, мнение, представление, а действительно существующая система взаимоотношений и взаиморасположения индивидов в обществе, которая, несомненно, объективна. В той же работе К. Маркс подчеркивает, что «независимые от них [людей] условия, в которых они производят свою жизнь, связанные с этими условиями формы общения [Verkehrsformen] и обусловленные всем этим личные и социальные отношения должны были, - поскольку они выражаются в мыслях, - принять форму идеальных условий [idealen Bedingungen] и необходимых отношений» [Маркс, Энгельс, 1955]. Не менее интересным представляется и следующий пассаж учёного, где он, размышляя о двойственном характере предмета, становящегося товаром, пишет: «[произведенный из дерева] стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь» [Маркс, Энгельс, 1955]. Категория чувственно-сверхчувственной вещи заставляет нас увидеть, что в условиях социального взаимодействия индивидов (в данном случае - рыночного) помимо непосредственно «физических» вещей появляются, становясь своеобразным результатом такового, еще и новые, ненаблюдаемые объекты, имеющие собственную форму идеальной предметности. Созданные таким образом идеальные условия, объекты находят свои воплощения в понятиях, образах и схемах, которые, попадая в сложную материально-идеальную структуру социального бытия, становятся реальным, объективным фактором последнего.

Памятуя о приведенных выше словах К. Маркса, вернемся непосредственно к концепции Э.В. Ильенкова. В работе «Диалектика идеального» философ указывает, что «проблема идеальности всегда была аспектом проблемы объективности («истинности») знания, т.е. проблемой тех, и именно тех форм знания, которые обуславливаются и объясняются не капризами личностной психофизиологии [об этом Ильенков и спорил с Дубровским – М.Г.], а чем-то гораздо более серьезным, чем-то стоящим над индивидуальной психикой и совершенно от нее не зависящим. Например, математические истины, логические категории, нравственные императивы и идеи правосознания, то есть «вещи», имеющие принудительное значение для любой психики и силу ограничивать ее индивидуальные капризы» [Ильенков, 2009]. По мнению Э.В. Ильенкова, основа учения об объективном бытии идеального начала формироваться еще с Платона и с его концепции эйдосов, как неких универсальных образов-схем. Переосмысляя платоновскую «догадку», Э.В. Ильенков устанавливает, что идеальное – это «всеобщие нормы той культуры, внутри которой просыпается к сознательной жизни отдельный индивид и требования которой он вынужден усваивать как обязательный для себя закон своей собственной жизнедеятельности. Это (...) и «законы государства», в котором он родился (...). Все эти нормативные схемы он должен усваивать как некоторую, явно отличную от него самого (и от его собственного мозга, разумеется) особую «действительность», в самой себе к тому же строго организованную».

Более глубокую экспликацию мысли Э.В. Ильенкова осуществляет Л.К. Науменко. Он пишет: «всюду, где [у Ильенкова] речь идет об идеальном, непременно имеется ввиду «чувственно-сверхчувственное» бытие. Идеальное для Ильенкова – это представленное, репрезентированное бытие, одно в другом, одно в образе другого. (...) Это (...) предметно осмысленное действие или деятельно осмысленный предмет, представленный в образе вещи»

[Любутин, Пивоваров, 1988].

Позицию же сведения идеального только лишь к субъективной реальности критикуют и другие философы, ссылаясь при этом на ее противоречие сущности диалектической логики Гегеля, необходимо предполагающей взаимоотражение субъекта и объекта [Любутин, Пивоваров, 1988].

Для Э.В. Ильенкова также представляется важным разъяснить, что идеальное и материальное существуют не отдельно друг от друга, не в изолированном, несоприкасающемся состоянии; наоборот, они находятся в постоянном взаимообуславливающем процессе превращения одного в другое и наоборот, проявляя, таким образом, свою диалектичность. Советский философ пишет: «Процесс, в ходе которого материальная жизнедеятельность общественного человека начинает производить уже не только материальный, а и идеальный продукт, начинает производить акт идеализации действительности (процесс превращения «материального» — в «идеальное»), а затем уже, возникнув, «идеальное» становится важнейшим компонентом материальной жизнедеятельности общественного человека, и начинает совершаться уже и противоположный первому процессу — процесс материализации (опредмечивания, овеществления, «воплощения») идеального» [Ильенков, 2009].

Используя результаты разработки Э.В. Ильенковым категории идеального в наших теоретико-юридических целях, можно (пользуясь термином философа «образы-схемы») выявить, что **правовая норма**, как разновидность правил социального поведения, также является идеальной образ-схемой человеческой деятельности, репрезентированной в тексте и/или в традиции материальной практики. При этом существенной характеристикой данной разновидности образа-схемы как правовой, является ее общеобязательность, предназначенность для усвоения и последовательного воплощения неопределенным множеством индивидов в их практической многократно-повторяемой деятельности.

Действительно, обнаруживая, допустим, в Гражданском кодексе РФ абзац 1 п. 3 ст. 36, гласящий о том, что «опекуны и попечители обязаны заботиться о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и интересы», мы видим, что абзац этот представляет из себя заключенный на некоторый носитель (бумажный или электронный), законченный в мысли текст, который, при уяснении и распределении его индивидом, воспринимается им как определенный перечень образов-схем действий, необходимо должных осуществляться обладателем соответствующего статуса (в данном случае - опекунского). Названная выше образ-схема конкретна для восприятия, она определяет: 1) круг индивидов, необходимо должных воплощать ее содержательное требование; 2) сущность, характер, особенности должной деятельности; 3) объект деятельностного приложения, условия и контекст осуществления.

Правовая норма, как идеальная образ-схема деятельности (поведения) существует не сама по себе, и даже не исключительно относительно субъекта, который действует сообразно ей, но имеет свое нахождение в «особой реальности», т.е. в реальности культуры, как общественно-созданного феномена, произведенного при участии индивидуальных психик (и, соответственно, индивидуальных правосознаний), но не сводящегося к их совокупности. Эта самая реальность культуры есть продукт коллективного творчества, опыта поколений индивидов, поэтому этот объективированный опыт и становится общедоступным для уяснения, а сами схемы — имманентными для индивидов. Именно данное обстоятельство подтверждает, что нормы культуры вообще, а тем паче правовые нормы не могут быть выводимы из индивидуального опыта; они опосредованы всем контекстом общественного развития и несут в себе его «след»,

«отпечаток».

Важно заметить, что подобная трактовка сущностных характеристик правовой нормы в контексте концепции Э.В. Ильенкова значима в том числе и в связи с необходимостью опровержения особо противоречащих историко-материалистическим представлениям постулатов эмоционально-правовой концепции Л.И. Петражицкого, популярной в настоящее время в некоторых юридических кругах. Ведь, согласно позиции этого польского правоведа, «корист поступит ошибочно, (...) если станет отыскивать правовой феномен «где-то в пространстве над или между людьми, в “социальной среде” и т.п., между тем как этот феномен происходит у него самого, в голове, в его же психике, и только там». Интерпретация права с позиции психологии индивида, считал Петражицкий, позволяет поставить юридическую науку на почву достоверных знаний, полученных путем самонаблюдения (методом интроспекции) либо наблюдений за поступками других лиц» [Куркин, 2008]. Подобные утверждения Л.И. Петражицкого, очевидно находящиеся в спектре идеализма, причудливым образом коррелируют (в известной степени) с трактовкой идеального Д.И. Дубровского – общее в них одно: одномерность и недialeктичность. Поэтому, в нашем представлении, обе эти концепции не вполне убедительны в научном смысле.

Заключение

Возникновение, изменение, исчезновение образа-схемы (и, сообразно, всей их системы в целом) происходят в рамках непрерывно развертывающегося процесса реальной, практической материальной общественной жизнедеятельности; в то же время и сами образы-схемы, деятельностно воплощаемые индивидами, материализуются в форме как самого процесса деятельности, так и среди составляющих результатов последнего. Подчеркивая описанный таким образом диалектический характер идеального и материального проявления правовой нормы, а также исходя из необходимости преемственности в терминологическом употреблении (от «Немецкой идеологии» до программных трудов В.Ф. Шелике и Э.В. Ильенкова), мы посчитали правильным определить правовую норму именно как форму образов-схем деятельности, а не просто лишь сводить ее к категории «правило поведения», как это принято в большинстве учебной или справочной юридической литературы. Это объясняется необходимостью соблюдения четкости категориальных рядов, используемых в марксистской науке, чтобы у читателей могло правильно сформироваться представление о взаимосвязанности и последовательности всей материалистической концепции, независимо от непосредственной отрасли науки, к которой принадлежит та или иная работа.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. и др. Большой юридический словарь. - М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.
3. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. - М.: Наука, 1971. С. 188, 189.
4. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Логос. - 2009. - № 1. - С. 10.
5. Куркин Б.А. Портреты российских ученых-юристов: Л. И. Петражицкий // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2008. - №1. - С. 19.
6. Лившиц М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. - 1984. - № 10. - С. 123.
7. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Идеальное как взаимоотражение субъекта и объекта // Философские науки. - 1988. № 10. - С. 30.
8. Маркс К. Капитал. Т. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 81.

-
9. Маркс К. Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. - М.: Политиздат, 1955-1981. Т. 3. С. 164.
10. Науменко Л.К. «Наше» и «моё»: Диалектика гуманистического материализма. - М.: Либроком, 2012. С. 86.
11. Науменко Л.К. «Наше» и «моё»: Диалектика гуманистического материализма. - М.: Либроком, 2012. С. 72.

The rule of law as an ideal essence from the point of view of materialistic legal understanding

Mikhail A. Gordin

Graduate student,
Saint Petersburg State University of Economics,
191023, A, 30-32, Kanala Griboedoba emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gordin_m@inbox.ru

Abstract

The article examines the legal norm in the context of Marxist discourse on the nature of the ideal. The author examines the concept of the ideal, outlined in the works of the famous Soviet philosopher E.V. Ilyenkov, and concludes that it is relevant for theoretical and legal research. It is established that the legal norm is a model-scheme of human behavior. There is also a criticism of L.I. Petrazhitsky position on this issue. The emergence, change, and disappearance of an image-scheme (and, accordingly, their entire system as a whole) occur within the framework of a continuously unfolding process of real, practical material social life; at the same time, the image-schemas themselves, actively embodied by individuals, are materialized in the form of both the process of activity itself and among the constituent results of the latter. Emphasizing the dialectical nature of the ideal and material manifestation of a legal norm described in this way, and also based on the need for continuity in terminological use (from “German Ideology” to the programmatic works of V.F. Shelike and E.V. Ilyenkov), we considered it correct to define the legal norm precisely as a form of image-schemes of activity, and not simply reducing it to the category of “rules of conduct,” as is customary in most educational or reference legal literature. This is explained by the need to maintain clarity in the categorical series used in Marxist science, so that readers can correctly form an idea of the interconnectedness and consistency of the entire materialist concept, regardless of the direct branch of science to which this or that work belongs.

For citation

Gordin M.A. (2024) Norma prava kak ideal'naya sushchnost' s tochki zreniya materialisticheskogo pravoponimaniya [The rule of law as an ideal essence from the point of view of materialistic legal understanding]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 17-23. DOI: 10.34670/AR.2024.78.22.002

Keywords

legal norm, materialistic legal understanding, ideal, K. Marx, E.V. Ilyenkov, theory of state and law.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part one of November 30, 1994 No. 51-FZ (with amendments and additions) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32, art. 3301.
2. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. and others. Large legal dictionary. - M.: Infra-M, 2001. – 790 p.
3. Dubrovsky D.I. Mental phenomena and the brain. - M.: Nauka, 1971. S. 188, 189.
4. Ilyenkov E.V. Dialectics of the ideal // Logos. - 2009. - No. 1. - P. 10.
5. Kurkin B.A. Portraits of Russian legal scientists: L. I. Petrazhitsky // Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2008. - No. 1. - P. 19.
6. Livshits M.A. About the ideal and the real // Questions of philosophy. - 1984. - No. 10. - P. 123.
7. Lyubutin K.N., Pivovarov D.V. Ideal as mutual reflection of subject and object // Philosophical Sciences. - 1988. - No. 10. - P. 30.
8. Marx K. Capital. T. 1. The process of capital production // Marx K., Engels F. Soch. T. 23. P. 81.
9. Marx K. Engels F. German ideology // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. - M.: Politizdat, 1955-1981. T. 3. P. 164.
10. Naumenko L.K. "Ours" and "mine": Dialectics of humanistic materialism. - M.: Librocom, 2012. P. 86.
11. Naumenko L.K. "Ours" and "mine": Dialectics of humanistic materialism. - M.: Librocom, 2012. P. 72.